



# СМЕНА

6

1947

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»





# СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал  
Центрального Комитета ВЛКСМ. Март, № 6. 1947 год

Год  
издания  
24-й

П. МЕЛЬНИКОВ

# МАСТЕРА ЗЕМЛИ

1

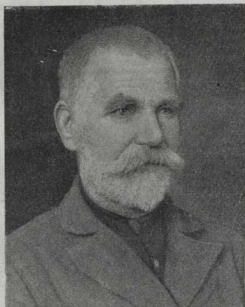
«Сущий элаки совершает святой повети» — гласит мудрая пословица таджиков, старейших земледельцев. Суровая природа научила их любить землю и оберегать её с вдохновенным художником-визителем.

В высокогорных кишлаках деканция свой клочок земли часто создавал сам: спустившись на дно ущелья, он терпеливо наполнял речным илом корзину, а затем поднимался в горы. Там, наверно,

не было и не могло быть в байско-эмирской Бухаре. Их имена узнала вся страна: Халимахон Сулейманова, Рахманкула Джабаров, Ходжон Атабаева, Ситар Ражабаов, Джаон Расулова, Вибисара Хайдарова.

Рахманкула Джабаров — председатель колхоза имени Кагеновича, Коктешского района, и заочный этого же колхоза Халимахон Сулейманова — ныне Герои Социалистического Труда. Слава им, мастерам высоких урожаев хлопка, удостоенным этого высокого звания!

— Рахманкула хочет жить лучше эмира, — сказала старик с котменом на плече, — эмир и бан даже керосин не вставляет имиди вьюю. Да и зачем эмиру свет? Осветить таром? А у нас меланция, маюбойка, клуб, шеола, кишлак... Нам без электричества нельзя! Рахманкула понимает толк в хозяйстве и земле... Назом нефь он у нас — член правительства, депутат Верховного Совета республики! Мы загворили о Халимахон Сулеймановой. Старик, поглаживая бороду, почтилально закивал головами.



Герои социалистического труда (слева направо) — звеневый колхоз «Байкал», Волнинского района, Алтайского края, П. Ф. Варварова, бригадир тракторной бригады Старобешевской МТС, Сталинской области, П. Н. Ангелина и звеневый колхоз «Соцперемога», Мирноновского района, Киевской области, М. Г. Лысенко.

деканция разлива на по шебно и снова спускался к реке. Так продолжалось до тех пор, пока образовывался клочок земли, который можно было засеять. Затем горел пробивал в камнях кенал и отводил по нему воду на свой крошечное поле...

Можно было спуститься с гор в Вахскую долину. Но, выжженная солнцем, она была пустыня, и дикий Вахш бесплодно метался по её раскаленным пескам. Эмиру Бухарскому было не под силу оросить эту долину, да он и не стремился к этому: его занимали другие мысли — как бы выколотить побольше доходов. «Страна бесправия», — называли этот край до революции.

Советская власть перелав таджикам, земледельцам эмирские и байские земли, помогла построить им гигантские кишлаки в Вахшской, Ферганской и Тиссарской долинах. Выжженная солнцем пустынные долины ожили. Они покрылись городами и кишлаками, хлопковыми плантациями и садами.

В стране гор, солгорет и обласканной сталинской рукой, выросли люди, каких

2

Урожай хлопка в 100 центнеров с гектара Халимахон Сулейманова собирала ещё до войны. Тогда родина отметила её труд высшей наградой — орденом Ленина.

В прошлом году колхозники Ташкистана вырастили хлопка-сырца на 53 тысячи тонн больше плана. Несомненно сот переловиков хлопководства и шелководства республики были награждены орденами и медалями. Орден Трудового красного знамени получили Халимахон Сулейманова, орден Отечественной войны первой степени — Рахманкула Джабаров, орден Ленина — талантливая ученица Халимахон, комсомолец-звеньевая Кузми Абдурахимов.

Зверье и побывала в колхозе имени Кагеновича прошлой весной. Нас встретил Рахманкула Джабаров. На полном лице его светлелись живые, умные глаза, свивающие усы дрожали в улыбке.

— Закачиваем строительство электростанции! Хватит коптить кибитку керосиновой лампой.

Нас окружали колхозники.

— Халимахон! О, пусть счастье и удача никогда не покидают очага её кибитки...

— Халимахон — это наша гордость, наш агротехникум, — при общем одобрении заметил председатель колхоза. — У неё учатся звеньевые и бригадиры даже из других колхозов.

Рахманкула Джабаров назвал несколько фамилий её учеников и учениц и в их числе Кузми Абдурахимову — девушку с открытым и удивительно ясным лицом, веселыми глазами и косами, ниспадающими на плечи.

Халимахон Сулейманова научила колхозников уважать и ценить науку, умело применять её. В прошлом году колхоз имени Кагеновича собрал среднего урожая в 34,7 центнера хлопка с гектара. Звено Халимахон Сулеймановой собрало по 113 центнеров, а звено ученицы её — Кузми Абдурахимовой — по 130!

По опыту Халимахон Сулеймановой, на участке звена комсомолки Кузми Абдурахимовой была проведена глубокая зяблевая вспашка, на каждый гектар внесли по 18 тонн местного удобрения и

не 300 килограммов суперфосфата, — рассказывает Рахманкул Джабаров. — Так же обрабатывали и остальную землю. Остатку ирригационной сети от нас и майки от сорняков, ремонт дорог мы преддали до начала посевной. На всех участках хлопчатник высевался не позже, чем на следующий день после второй осенней вспашки. Попав в естественную и увлажненную почву, семена быстро дали дружные, полноценные всходы. Раньше прорывание всходов проводилось в несколько приемов, теперь оно было проведено, в основном, в один прием — так, как это делала Халимахан Сулейманова. В более ранние сроки был сделан первый полив, сразу после прорывания. Однако опыт Халимахан Сулеймановой показал нам, что этого еще не достаточно: мы дважды давали посевам подкормку. Первую (селитру) в начале бутонизации хлопчатника и вторую (селитру и навозом) в начале цветения...

Ранние поливы и раннее начало работ на полях и машинный обработкой почвы ускорили вегетацию растений. Первое глубокое мотыжение проводилось буквально через пять-шесть дней после по-

севов. Халимахан Сулейманова борется за урожай хлопка в 140 центнеров с гектара. Кумри Абдурахимова — за 135.

Вся земля — 221 гектар — засеивается новым селекционным сортом хлопка «108-Ф». Под зябь на поля внесено 10 тонн суперфосфата и много минеральных удобрений. К севу хлопководы начали готовиться еще зимой. Уже в январе ознакомились оросительную сеть и закончили ремонт посевного инвентаря.

3

Герой социалистического труда Ходжа-хон Атабаева — записавшая колхоза «Коммунист Таджикистана», Сталинкабаевского района, — получила 88 центнеров хлопка с гектара. Средний урожай в колхозе — около 33 центнеров. Это почти на одну треть превышает урожай довоенных лет. Колхоз разбогател. Построил электростанцию, клуб, мельницу, маслобойку. Кто хорошо работает, тот хорошо получает за свой труд. Колхозу «Коммунист Таджикистана» было отпущено 70 тонн зерна, 13 тысяч метров мануфактуры, 700 килограммов чая, много мяса и денег — миллионом рублей.



Герои Социалистического Труда (слева направо) — записавшая колхоза имени XVII партсъезда, Лякского района, Дзирепетровской области, Н. Д. К. и председатель колхоза имени Кагановича, Коктаевского района, Сталинкабадской области, Рахманкул Джабаров.



явления всходов. Во многих бригадах и звеньях кетменную обработку производили шесть-семь раз, а в звене комсомолец Кумри Абдурахимова — девять. Почву на всех участках по несколько раз взрыхляли тракторами и конными культиваторами. Орошались участки в зависимости от потребности во влаге: они давались пять-шесть поливов, другим — девять.

В разгар лета над хлопчатником нависла угроза. Появился опасный вредитель — коровка. Колхозники провели трехкратную обработку всего хлопководского массива, предохраняющую от этого вредителя. Еще одну рутинную обработку всех посевов сделали против хлопковой гали. Чекалка, которой они придают большое значение, проведена была всколку. Колхозники убедились, что она ускоряет созревание хлопка. Сырец в коробочках становится лучше и полновеснее. Чекалку продавали во второй половине июля, а в конце августа Зогитунтук уже принял от колхоза первые центнеры хлопка-сырца.

В нынешнем году колхозники решили с каждого гектара собрать не менее 40

семей Нуерат Орифова, например, заработала на трудодни 11,5 тысячи рублей деньгами, 170 пудов зерна, 235 метров мануфактуры, чая, мяса.

Еще больший доход получили в колхозе имени Кагановича.

— Мой звено заработало столько пшеницы, мануфактуры, мяса и чая, сколько не получила весь колхоз в прошлые мирские преия, — говорит Халимахан Сулейманова.

Счастье вошло в кабинку дехканина.

Может быть, поэтому в стране гор слона «кошеская ядаль» и «четская зурчат как синонимы. Таких людей, как Халимахан Сулейманова и ее подруги, не было и не могло быть в Восточной Бухаре в досоветские преия, когда знаменитая женщина в рабство, а мужа ее, если он протестовал, гноил в страшный эмирский тюрьме.

Нынешняя женщина воспитана советской властью, колхозный строй. Таких истериков могла вырастить только большевистская партия.

Юр. АЮКОВ

## ВЕСЕННИЙ ПРИКАЗ ПО БАЛТИКЕ

От мачты до мачты  
По рейду Кронштадта,  
По дюнам,  
По лоску  
В назначенный час —  
Грачи,  
Слоном шитыми в черных бушлатах,  
Безе ссыпают весенний приказ.  
Анкеры  
Почтительно наторожившись,  
Земини намятажку встали во фронт,  
У дальних причалов раскатылся  
«валился»  
Балтийского флота

Маяк заматил,  
И прислушался форт.  
Грачи опустелись,  
На реи, на шкоте.  
По правому борту скозынула зоря.  
— Матросам и солдату

Приказано:  
Завтра поднять якоря...  
Приказано:  
Лопы в скоты переборщить,  
Мороз по болоту на берег списать,  
Очистить от илов жесткие травы,  
И языком туманов спустить паруса.  
Приказано:  
Каждому ветру дуть снова,  
Старательно берег усыпать песком,  
И флотские муровики неба ночного  
Парить до босса зубным порошком.  
И замеря алым,  
Тяжало и угромо,  
Вода, как в бочонке, под ними бурлит.  
И слышно  
Взвизгивало в открытые трюмы,  
И бронзой весенней весь кубрик

обалт.

Гермидат грачи  
Орестровою медью,  
И замер весь флот, отдавая им честь,  
И слушает солнце, готово ответить  
С матросским гамете  
Короткое «есть».  
Читают грачи  
По скалкам нам залывом:  
— Назавтра

назначен

весенний парад.  
Парадом командует  
Март.

Борис ШУВАЛОВ

## КОВЕР

Бережно перебирая нити,  
Юная Джамал ткала ковер...  
Я нигде в краю моем не видела  
Красочней узором до сих пор.

Не ткала, а точно поению пела.  
Только песню скоро не сложила.  
И плелась в руках ее зеленая  
Золотая шпаловая нить.

Нот, не шель трагической окраски.  
А плуток хули в полусонных снах,  
Тронутой вдруг дышащем ласки,  
Врызнула, играя, на ковер.

Нити оживил и заблестели...  
А с ковра в расцветке ласковой  
На Джамал глядел великий Сталин —  
Мудрый, ласковый, родной...

Ашгабад.

## ЗАДОР

1

Вдоль отлогого берега реки шёл человек. Под его ногами шумела галька. Левой рукой он подпирался, правую упирая на гальку, а в правой руке ведро из-под наживки и рыбу, наживанную на шпатель, она сверкала чешуей как ламинные и гибкие сапфир сибиря. Смутное, с крупными чертами, лицо его, широко здоровое и смелое, Парусиновы штаны и такая же толстовка с широкими карманами не стесняли движений. Встретный ветерок за миг отогнал, извлекший зной и сырость на обнаженной голове взошедшие волосы, чёрные, с синеватым отливом.

Это был художник Степан Романович Басыгин. Весною он окончил Академию художественных наук и, вернувшись на родину, в Сибирь, днём и ночью проводил среди дикой природы. Сейчас он в рыбной ловле возмужавшим дедом и чувствовал себя отлично. Его узкие и цепкие глаза не отрывались от реки: изумительная была игра воды, позолоченной попутным солнцем. Где-то на юге, за тучами верес, родилась она мягкой и укорютой речушкой. Вылившаяся вода постепенно расширялась и уступала ей, возле города река была широка и быстротечна. Художника, смотревшего на неё, охватывала одна образ: голубая и ослепительно сияющая змея протискивается через огромнейшие сибирские просторы. Извивалась, она перепрыгивала стены и долины, врывалась в тайгу, раздвигала каменные утёсы и мчитесь дальше, к Алохитовому окну.

Проходя мимо затона, художник заворулся к платом. Подорожник, в шпатель, шипами, он пошёл к ним на брёвна. Закурив и поемному разговаривал. Степан Романович внимательно всматривался в затопленные лица собеседников.

Вдруг пошмыкались скачущие звуки.

Басыгин, оглушённый, спросил:

— Собачники, кто ли? — ответил ему.

— Щенок наш Бубка, — ответил ему. Художник, выжидал, и обшарил взглядом плат. Ничего не заметил, он спросил:

— Да где же он?

Оматывались и лавовники. Один из них, постарше, алысь, желтобородый старик, сказал:

— А и вправо, нет его. Визжит, а самого не видно.

Кто-то старую торшачку между раздвинувшимися бревнами мордочку. Щенок жалобно скукал, как бы просил помощи. Игра, он свалился в воду и попал под брёвна.

Один из платочников сквозь щели искал поддержки, понаблюдая за западью щенка. Остальные галтели, горючо обходя, как спасти его. Художник молча начал раздвигать. Платочники смотрели на него с недоумением. А желтобородый старик, спугнуто мигая глазами, предупредил:

— Осторожнее, пареня. Тут галоубо. Придётся под платом изрыть саженю на две. Долго ли до греха. А тогда отвечай за тебя. Давая-ка лучше обвяжешь тебя, мила человек, конком верёвки. Оно надёжнее будет.

— Ерунда! Я плаваю хорошо. И ныряю неплохо.

Басыгин смело погрузился в прохладную воду и, не успев выдохнуть, на волнах, поджоривающего щенок, скривился под платом. С детства у него сохранилась

Алексей Силла Новиков-Прибой был страстным охотником. В 1936 году он задумал роман, действие которого должно было разворачиваться на фоне охотничьей жизни. Дополнительная работа на «Дружбу» и работа «Колхозного писателя» вынудили писателя отложить осуществление своего замысла на будущее время. Три года назад — 29 апреля 1944 года — А. С. Новиков-Прибой скончался, так и не успев написать законченное произведение.

Рассказ «Задор», публикуемый нами впервые, должен был войти в новый роман в качестве одной из его глав.

припылка изрыть с открытыми глазами. Под платом было тепло, только кое-где просвечивали узкие солнечные полоски. Левой рукой он перебрал, саженю считая, брёвна над головой, а правой — вытребовал, работая при этом и ногами. Изумрудно-золотистая залошка света засияла сильнее. В ней обозначилась шевелящаяся тень. Это была алмазная кончик скалки, которую он одной рукой и, изогнувшись глубже, чтобы не удариться головой о брёвна, пустился в обратный путь.

Платочники испуганно жалли, разинули рты, сбитая дышала. Справный человек, с чёрными, длинными волосами, исчез и не показывался. Прошло, может быть, не больше минуты, но у людей, внимание к которым направлено, совершается преувеличенное представление о времени. У каждого из них мелькала мысль об ответственности. Без очей, обрвавшись, голова художника, держа в руке Бубку, покосилась на поверхность реки. Он тяжело дышал. Платочники помогали ему взобраться на брёвна. Он начал садиться, а они, сбегивая его, качались и говорили:

— Ну, брат, ты и чудила. Разве можно так кричать?

— Это же за плечу не пошел.

— Хотя бы шестой брёвнышкой. А то так еще разнй, кка-то. Чорт с ним совсем — пусть тонет.

— Да и задохнет он нам. По всей ночи шумит, спать не даёт.

Художник оморочен. Бубка действительно не был какой-то несказанной и очень худой. Под мокрой припавшей шерстью проступали ребра. Дрожа, пробегала по всему его хладу тень. Он ошалео крутился, отряхивался, фыркая и не переставая скулять. Спаситель его обратился к платочникам:

— Вы все же щенка.

Желтобородый старик ответил нехотя: — Отдать можно. Только вот как ребята. Остальные сразу замолчали, опустили головы.

— Вы всё равно не стали бы спасать своего Бубка.

— Да ведь это неизвестно, — сказал река, — да через неё ажурными переплетами поронились железорудный мост. Художник хаставал:

— Семь же вы сказали, что щенок ныряет не умеет.

— Да это кто-то слуху лягнула. А по правде, из него должен выйти хороший коб. Заведу на у нас бед залока.

— А вы не закрутите ли? — рассердился Басыгин. — Только что я слышал: щенок неледзя вам, не даёт по ночам спать.

— Принимают, перестанет скулять, — равнодушно протянул кто-то.

Желтобородый старик, заискивая по-смотрен на художника, посоветовал:

— Ты вот что, мила человек, дай на ребята на табачок козачков и забери Бубка. Катится не будешь. Щенок, влязай, из поросистых. Не иначе, как от лапки проиходит.

Басыгин заплакал названным сумму. Платочники повеселели, а когда художник, захватив Бубку, отходил от платов, на него посмотрели, как на чулана, не знающего цену деньгам.

Степан Романович заперся на горной гальке, пока щенок не обсох. Согрешив, Бубка начал ласкаться к своему спутнику. На платках его, очевидно, не было: они опирались, но что-то благоприятное было в выражении коричнепых глаз щенка.

Ого, в тёмных глазах много очей! — художник поглядывал его по котельной стене. — Отпаше ты будешь носить другое имя: Задор. Оно к тебе больше походит. И Басыгин поведал домю нового друга.

2

Прошло четыре года. За это время Задор превратился в здорового пса. Он был красив сной атласной, алышней шерстью, с желтоватыми подпалками на животе и белой звездой на лбу, веселыми карими глазами. Трудно было определить, к какой породе он принадлежал. Что-то волжский был, в него корпус, а сильной калаской пасти, в лобастой голове с острыми торжачими ушами. Но в то же время его подвижная и пушистая шкура, ношк, вскрывала лобзательность укывания на то, что он имел родство с сибирскими лайками.

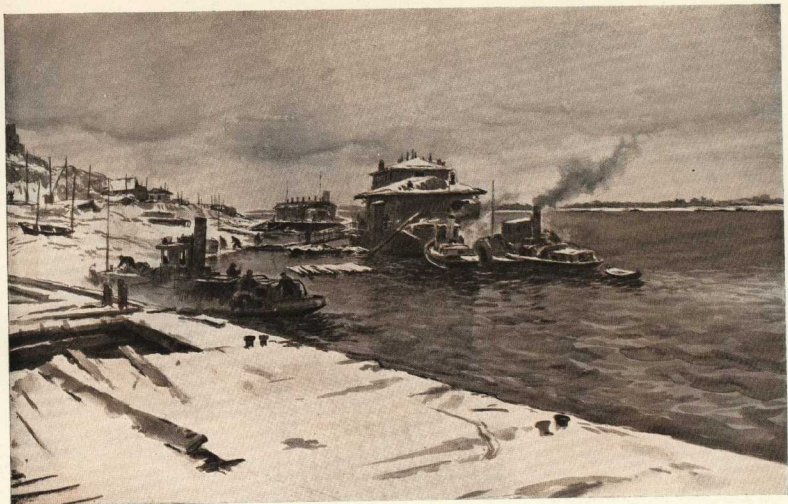
Онажды Басыгин и Задор возвращались домой после охоты. Когда они подошли к реке, где художник устроился лагерем, Задор, уже смеркалось, как чувствовал себя усталым. Хотелось скорее добраться до шалеши, где находились рыболовные сети, провизия.

Против них, ближе к другому берегу, чуть виднеясь небольшой островок. Там они и раньше часто ночевали. Чтобы поспать туда, нужно было пройти на лодке между двух больших отлогих лямей. Отсюда друг от друга метров на сто, они высывались из-под воды на самом глубоком и быстроточном месте. Место это хорошо знал художник.

Берег здесь лежал отлого, усыпанный малой галькой. А по ту сторону реки чёрным облаком поднимался крутой, и с него, придивлявшись впаляющую, смотрелся в быстрые воды реки тайга, дыкая, жутикая и потогнывая. Тучный и пыльный сумрак окутал землю. С безоблачного неба аскало струились звёзды.

Басыгин, обращаясь к Задору, сказал: — Пальнём, друг, на остров.

Задор радостно возникнул, погребся у ног хозяина и начал ласкаться к лодке. Вслед за ним вошёл и художник. Он бережно уложил в носу лодки ружьё, дичь, пантрон, а потом, чтобы легче трести, снял с себя куртку и, катая, салоты, намявшие ноги, оставшись в одной рубашке, он оттолкнулся веслом и начал забирать вдоль берега вверх по реке, чтобы потом, когда



Сталинградские зарисовки  
художника П. Баранова.

«Пристань на Волге» (вверху).  
«Вид на город с Мамаева кургана» (внизу).



лодка попадала на стремнину, её не отнесло к нижнему острову. Провозмало, что он прошёл достаточно расстояние. Басыгин повернула лодку поперёк реки. Чем дальше уходила она от берега, тем быстрее становилось течение. Он слышал завалами воды на бедах, но лодку отнесло вниз по реке. В проходе между двух камней вода бурно разбивалась о гранитный выступ. Басыгин сообразил, что Басыгин, осознав страшную мыслью: при таком стремительном течении трудно обойти вокруг камень. Лодку понесло с головокружительной быстротой. Он слышал крик лодки, насколько хватало голоса:

— Держись, Задор!

Лодка разлетелась в щепки. Куда-то полетели, сорвались небеса, яркая авиация. Могучий поток, издуваемый и дробимый на перелеза, ударил человека о гранит, смял его и с ревом швырнул в глубины. Это произошло с такой быстротой, что некогда было опомниться. Порывавшись и крутнувшись, художник сползнулся в бездонную яму реки. Мир превратился для него в слепой, шумный водопад. Казалось, не будучи конца его падению. Он слышал, как вихри потоки перестали швырять Басыгина, он смутно понял, что его отнесло от ямы. Он начал выгребать руками, чувствовал, как вырывается его из поворота. Он услышал от края галла. Сквозь слой воды чернело небо, опустились несомненно близко, и на нём, дрожа, засверкали огромные волны. В тот же миг сразу всё изменилось: темноватая высь морща далами звёздами — он мог уже свободно дышать.

Придя к себе, художник огляделся и не поверил своим глазам: рядом с ним, отфыркиваясь и жалобно похныгивая, плала Задор.

Нужно было нырять к левому берегу, болев ослухом. Басыгин работал руками и ногами неторопливо, зная, что не скоро доберётся до суши. К тому же левое плечо, распухшее от камней, отзывалось при движении болями. Он часто спотыкался, перевертываясь на спину, и его вместе с собакой несло течением, несло куда-то в неизвестное. Ночь была тика, и в эту дремлющую тишину прорывался чей-то, полный отчаяния, голос:

— Спасёте! Погибать!

Тайга, подступившая стеной к правому берегу, ласково поворачивала то же слово, словно кто-то перекладывал с человеком. Кто мог помешать утопающему в ночную пору в двадцати километрах от города?

Отдохнув, Басыгин снова поплыл к левому берегу. Но с каждой минутой его способность сопротивляться истощалась. Тело стало забываться. Углублялись рука отчаяния, забывшись. Вдали чуть-чуть мерцала отоглая земля, к которой он приближался невероятно медленно. Так хотелось почувствовать под собой что-нибудь твёрдое. Чтобы не провалиться в податливую массу воды, он лежал на спине, освобождая грудь от тяжести: так легче было дышать. Смотрел в разбухшую лодку, в безмолвную ночь, развешенную над ним мерцающий покров, и спрашивал самого себя: «Неужели так мало кончится жизнь?»

В нём поднимался явный протест. Он снова двинул руками и ногами, закованными от стужи. Вода засыпала его, сдавливая грустную каску. Грозиво стучала собака. Он уже предчувствовал, что через несколько минут оно вновь перестанет биться, как манит, исчерпавший энергию гирь.

До берега оставалось не более тридцати метров, но тело потеряло гибкость, отяжелело и словно налилось стужей. Захлебывался и давился водою, Басыгин успел только прохныгнуть.

— Погибай, Задор!

Пес, почуяв тревогу в его голосе, торопливо прижался вплотную к хозяину, а затем, упираясь, бросился вперёд, вытаскивая и коснулся морской шерсти собаки. Качнулось небо, закружились сверкала

шим роом звёздам. Потом всё погрузилось во мрак, в мёртвую тишину...

### 3

Из тайги осторожно выбрался маленький и кривой осколок луночного диска. Сильный свет упал на землю, на широкую поверхность реки. От деревьев и притворов протянулись тени и застыли, словно прислушивались к молчанию звёздной ночи.

Басыгин открыл глаза. Он лежал неподвижно на чём-то твёрдом, вытянувшись по спутным созвездиям, малюющей частичкой не успешного застыть молча. Над землёй мерцали звёзды, и они почему-то беспокоили его, вносили в сознание тревогу. Всё кругом было знакомым. Всё что он недавно видел, но где? Всякая связь с прошлым оборвалась. Он начал усиленно вспоминать, однако прошло довольно много времени, начиная с пробуждения на берегу и кончая треском разбиравшейся о камни лодки. Басыгин почувствовал, что живот его необыкновенно раздул, дышать тяжело, в лёгких калачоты. Рядом слышалась такая теплая волна. Значит, он находится на самом краю берега. Но как он попал сюда?

Что-то нужно было предпринять, но с ним случилось нечто странное и необычное, он не знал, как нужно повернуть, как пошевелить рукой или ногой. Неужели смерти? Звёзды тускнели и уходили в глубь неба. Он заслонял. Над ним нависла чёрная тень, и что-то горячее коснулось его лица, как будто по щеке погладили рукой. Он вздрогнул и застыл ещё сильнее. А черная тень, казалось, ласково обняла. Тогда он понял, что его лижет Задор. С большим усилием Басыгин перевернулся на живот. Изо рта хлынула вода. И по мере того, как он освобождался от неё, усилие становилось всё больше, столько мучительного, как будто в мозг проникала колющая проволока.

Он начал дергать одним плечом, потом другим. Очуживание мускулов его постепенно отходило, дыхание становилось глубже и свободнее. Наконец, он задышал руками и ногами, оттолкнув по оттоглу берегу прочь от реки. Задор, радостно по-

визывая, пролегла лизать горячим языком лицо хозяина, что, ему казалось, что от согревающей ласки является в тело благодатное тепло. И хотя его движения были слабы и медлительными, всё же он мог потянуть на четвереньках. В тишине ночи похрустывала галька. Лёгкий ветерок нагонял с полей струю тёплого, сухого воздуха. На востоке, разорвав чёрные облака, лавина красным золотом ухитилась горизонтальной трещиной. Казалось, там, вдали, треснула горы и сейчас из них пойдёт огненно-жёлтая lava. Художник позвонил, что, прежде чем ринуться вперёд, широко расставленные ноги его дрожали и подгибались, как у ребёнка, поспешно подпрыгнувших без посторонней помощи.

Задор! Теперь, как бывал раньше!

Пес бросился к хозяину на грудь. Тот полетел кувырком, ударившись с размаху о землю. Загудело в голове, но падения вызвало прилив новых сил. С трудом поднимался на ноги, он слабо упрёкся своего друга:

— Что ты делаешь, Задор?

Не спуская глаз с хозяина, Задор поманила хвостом.

Разгорелась зрелая, развешивая по небосклону огненные полотины. Река, зардевшись, поперекнула катла мучные потоки к утrockому северу. Чётко обрисовался противоположный берег, утравившийся в разбухающее небо зубными пикет и елей. Озёра на дугах закружились молочным туманом. Ночные перекладывались перекладом, сонно проносилась утиная стаи. Нис мало обрада на тих аномалии. Возвращение хозяина к жизни возбудило в нём бурную радость. Он отбегал в сторону, возвращался, кружился, опираясь, опираясь, как бы зигзагами, на спину, заливаясь неистовым даем.

Только теперь Басыгин увидел, в каком правом кулаке какой своей шерсти. Как она попала к нему? Он остановился, посмотрел на Задора, и ему стало всё понятно. Очевидно, потеряв сознание, он инстинктивно потянулся к собаке, и его пальцы, коснувшись её шерсти, сужоронно сжались. Задор, как бы буксиром, потянул хозяина к берегу — по воде легко было это сделать. Но на суше буксир не выдержал тяжёлого груза и оборвался.

Басыгин похлопал к себе Задора и ласково поманил руку на его лобовую голову.

С вершинами горы, ослепая, ударил в лицо первые лучи восходящего солнца.

Рис. Д. Пивоварова



И что-то горячее коснулось его лица, как будто по щеке погладили рукой.

# ПОЭЗИЯ БРАТСКИХ РЕСПУБЛИК

Иосиф НОНЕШВИЛИ

## КОЛЫБЕЛЬ ВОЖДА

У крепостной стены в горях  
Стоит старинный дом.  
Холмы гористые в цветах —  
В наряде голубом.

В поросшем росами дворе  
Росы расцветный след.  
Из окон дома на заре  
Всплывает яркий свет.

Теперь здесь тишина строга  
И детство далеко.  
Но колыбель у очага  
Качается легко.

О, дом, родивший солнце! Дом,  
Встречающий гостей,  
Ты гордо поглади кругом —  
Ты крепче крепостей.

Есть в Картал разные дома  
И замки над водой.  
Но в этом очаге — сама  
Счастья страны родной.

Когда была война, сюда  
Враг так хотел пройти.  
Но метала горная гряда  
У немцев на пути.

Агели должны у хребта,  
Открыты, но грозны.  
Здесь жила Ираклий и Шота,  
Живут здесь их сыны.

Закрывали юности проход.  
Агели у всех дорог.  
И колыбель вожда народ  
От недругов бережёт.

И нет войны. И песнь звучит,  
И серп звенит в полях,  
И небо звёздное висит,  
Как полог, на ветвях.

Цветы не входят в берега —  
В горы мчатся метель.  
— И кажется — у очага  
Качнулась колыбель.

Авторизованный перевод  
с грузинского С. Гудзенко

Реваз МАРГИАНИ

## НА УЛИЦЕ ЛЕНИНА

В Горы ушла есть Ильича.  
Ты прошёл. Столько пройдено миль!  
Большим цветом цветёт алыча,  
Осыпая душистую пыль.

И деревья встают на носки,  
Смотрят раннему путнику вслед.  
Горы в нашем краю высокие —  
Быше улицы Ленина нет.

И на улице Ленина я  
Слышу, Сталина клатва звучит.  
По-иному здесь дышит, дружит,  
По-иному здесь сердце стучит.

На Всесоюзном совещании молодых писателей была широко представлена литература братьев народов. Поэты из национальных республик, края и областей встретились здесь и работали вместе с молодыми поэтами, пишущими на русском языке, — тоже участниками совещания. Ниже мы печатаем стихи национальных поэтов а передовых, сделанных во время совещания их московскими товарищами: С. Гудзенко, В. Булгаевским, Н. Гребневским, Я. Колосовским.

В Горы хочется петь от души,  
И задуваться, и помолчать.  
Снег пушинок летает в тиши,  
Большим цветом цветёт алыча.

И душистую пылью с дерев  
Ветер голову посеребрил.  
В Горы слышится тихий напев,  
Вудто взмахи торжественных крыл.

Авторизованный перевод  
с грузинского С. Гудзенко

Расул ГАМЗАТОВ

## ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

На свете люблю я всему свою меру:  
И тугу, и радость, и сумраком серым,  
И снам, и покою, и песням старинным,  
И даже траве в наших горных долинах.

И только в одном не люблю я предела —  
В бурлящем кипенье любимого дела.  
Под лебом вот этим, где всё быстроотечно,  
Тот хочет жить и творить бесконечно.

И мне бы прожить плодотворно и много  
Не ради того, чтоб ходить по дорогам,  
И греться под солнцем любимого края,  
И даже не ради любви, дорогой —  
И только любя безгранично, безмерно...

Чтоб в песнях прославить соратников  
Моех командиров, моих одноклассов,  
Друзей, возводивших дворцы пятиэтажных.

Мне петь бы и петь без конца, без границы  
Родным людям, любимой столице,  
Как в песне, без жизни, ни слов, ни мотива,  
Так в жизни нет жизни без песни правдивой,  
Перевод с аварского Н. Гребнева.

\*\*\*

Моей земли не умирают люди.  
Пусть даже бой, — я наш закон пою:  
Родится мальчик и носить он будет  
Живое имя павшего в бою.  
А если дом испепелён пожаром,  
Мы строим новый. Заходит к нам, друг!  
Смолоный дуб взошёл не будет старым:  
Шумит ветвями поросль вокруг.

Перевод с аварского  
Я. Колосовского

М. КАРИМ

## СНОВА МОРЕ

Помню — мне открылось это море  
Со скалистых крымских берегов.  
И с его спокойной рябью споря,  
Я часами плавать был готов.  
Солнце где-то вдалеке тонуло,  
Набегали волны на песок,  
И рука моя им влод швыряла  
Сорванный на берегу цветок.  
Кто мне скажет, к берегу какому  
Унесла его тогда волна?  
Вскоре самого меня от дома  
На чужбину завела война,  
Точно предвещая усталость  
Передавая в этот час волнам,  
Море неохотно прижимаюсь  
К сумрачным каменным берегам.  
Но спазма с улыбки во взоре  
Мног румыл, торжествующий вранос:  
— Полюбил я, должно быть, море?..  
Что я мог ответить на вопрос?  
И во взору чудному ревуна,  
Я на море Чёрное глядел,  
Чёрноморскую волну родную  
Я бы унести с собой хотел.  
И, внимая грохоту прибоя,  
Я смотрел, как розовея восток.  
И взвзгустуюсь вдруг — зачем  
была мною  
Врошен в волны сорванный цветок?

Перевод с башкирского  
В. Булгаевского

Паруйр СЕВАК

## СТАТУЯ БОГИНИ ЛЮБВИ

Богиня! Я помню а смятении и  
в эсхесе,  
Как бомба, взрывающаяся сильней и сильней,  
На сердце похожая будто в насмешку,  
Упала в твой храм — в Ленинградский музей.

И после в дымящихся развалинах храма  
(Я это и нынче забыть не могу)  
Лежала и белела коллекция мрамор,  
Почти что невидимая на белом снегу.  
Но горю, как холмог и могут богини,  
С лицом, перепачканным в чьей-то крови,

На наших руках умирала святница,  
Богиня бессмертной и вечной любви.  
Она становилась белое, белое,  
И стала совсем холодна и белая,  
Но наши сердца застучали быстрее,  
Мы ждали винтовок.  
Ты не умерла,  
Ты не умерла,  
Не пропала без вести,  
И мрамор, оставшийся там замерзает,  
Стал богом не только любви,  
но и смерти,

Единым,  
Уничтожив нас побеждать.

Перевод с армянского  
Н. Гребнева



На совещании молодых писателей. Работа секций. В центре — поэты Маргарита Алигер и Михаил Матусовский.

Фото Г. Борисова.

## СОВЕЩАНИЕ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

С 3 по 11 марта в Москве проходило созванное Центральным комитетом ВЛКСМ и Союзом советских писателей Всесоюзное совещание молодых писателей. В нём приняло участие 120 прозаиков и поэтов, прибывших в столицу из городов, республик, краёв и областей страны. Многие из собравшихся уже не раз выступали со своими произведениями на страницах центральной и периферийной печати, другие только недавно взяли за перо. Большинство участников совещания в недалёком прошлом — фронтовики, партизаны. Большая группа делегатов — 40 человек — представляла на совещании молодые литературные силы столицы.

О перспективах дальнейшего развития советской литературы, о задачах, которые ставят перед ней партия, правительство и весь наш народ, говорили в своих докладах и выступлениях секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Н. А. Михайлов, крупнейшие писатели, критики и руководители Союза советских писателей: товарищи А. Фадеев, Вс. Вишневский, К. Симонов, А. Сурков, Л. Суховий, — а также сами участники совещания. На первом пленарном заседании, устроенном в помещении Московского дома пионеров, молодые писатели заслушали доклады, посвящённые трём основным жанрам литературы: прозе, поэзии и драматургии. Большой интерес собиравшихся вызвала доклад А. Фадеева «За высокую идейность советской литературы и искусства». Критик В. Перков выступил с докладом «О путях развития советской поэзии», а великий современный драматург и её элечам был посвящён доклад К. Симонова.

Три дня продолжались занятия 13 секций прозы и поэзии. С критическими разборами произведений молодых литераторов выступили писатели и критики, чьи имена широко известны: К. Федин, И. Эренбург, К. Паустовский, А. Карамзин, В. Лялин, Ю. Либединский, С. Маршак, А. Сурков, П. Антокольский, Н. Асес, В. Ибнер, А. Твардовский, М. Алигер, П. Скворцов, С. Тругуб и другие. Кроме того один из дней был отведён для индивидуальных бесед и консультаций участников совещания с крупнейшими советскими писателями. На заключительном вечере молодые прозаики и поэты встречались с мастерами искусства.

На совещании присутствовали представители центральных издательства и редакций московских журналов. Участники совещания и работники редакций рассказывали друг другу о своих планах дальнейшей работы. Молодые прозаики, поэты, драматурги завязали деловые и дружеские связи с писательской и журналистской общественностью столицы.

Участники совещания разъезжались по родным городам и республикам, обогащённые творческим общением с писателями старшего поколения, которые помогли своим молодым товарищам как в решении отдельных вопросов их творчества, так и в углублённом и всестороннем понимании задач, стоящих перед всей советской литературой.

Г. БРОВМАН

## ТВОРЧЕСТВО ПРОЗАИКОВ

Когда пленарные заседания сменялись работой секций и выступления ораторов уступили место свободному разговору о рукописях, — участники совещания представили перед старшими литераторами в свете своих биографий и творческих особенностей. Большинство молодых писателей имеет за плечами годы фронтовой жизни или напряжённого труда в тылу. Этот опыт дал молодым писателям огромное богатство знаний и наблюдений. Поэтому неудивительно, что тематика подавляющего числа произведений, о которых шла речь в секциях прозы, связана с войной, мужеством советского человека на фронте или с великими подвигами народа в тылу.

Творчество молодых писателей питает жи-

тельные соки народной жизни, поэтому мы почти не встретили повестей и рассказов отвлечённых, издуманных или не связанных с волнующими вопросами времени. Современная тема, пафос сегодняшней жизни был ключом в творчестве молодых прозаиков.

Военная тематика разрабатывается в их произведениях с точки зрения сегодняшнего дня. Молодого писателя интересует не столько описание батального эпизода, сколько человек на войне, его мысли, чувства, переживания. Вынавшие и личности героя Великой Отечественной войны, к тем идеальным подвигам, которые лежат в основании побед, оказываются во многих произведениях.

Сибиряк Николай Мейсак написал большой

рассказ «Шестьдесят два дня». Ценность этой вещи в глубоком интересе автора к психологии советского человека, проявляющего исключительное мужество в трудных условиях фронтовой жизни.

Украинец Опеск Гончар уже опубликовал на родном языке свою первую повесть «Алые». На фоне боевых операций напих частей в Румынии и Трансильвании молодой писатель рисует мысли и чувства советских солдат. Человек на войне изменяется, и этот нравственный рост, это духовное обогащение советского солдата, создающего свои силы, представляет интереснейший материал для художника.

Широкую галерею характеров советских людей на войне дал москвич И. Северяев. Повесть



Участники совещания молодых писателей. Сверху вниз: Валентина Ткаченко (Киев), Сергей Орлов (Ленинград) и Анатолий Левашкин (Рязань). Справа: Иосиф Нонашвили (Тбилиси) и Борис Порфирьев (Киров).

его повесть «Голубая лента» недавно опубликована в журнале «Знамя». Молодой автор представил на обсуждение ещё две вещи, в том числе большую повесть «Рубежи». Северцев рассказывает о войне, о работе сапёров, о тружениках переднего края, о том, как жили люди в окопах. Верный глаз, хорошая наблюдательность, неплохой язык привлекли внимание к творчеству Северцева. Однако этого ещё не достаточно, для того чтобы создавать художественные произведения. Писатель должен раскрыть интеллектуальный мир своего героя. Но это как раз и составляет ахиллесову пятну многих молодых писателей, рассматриваемых на совещании.

Ленинградец С. Антонов наблюдателен, умеет по-своему увидеть и описать уже известные вещи. Посмотрите, как метко зарисован поезд в движении: «Издали стал быстро набегать дятл снопик, и через секунду вагон дёрнуло. Дверь в соседнее купе скрипнула и захлопну-

лась настолько оми свежи и оригинальны. И, однако, тут же раздались голоса критики, которая справедливо указала, что герои Антонова живут больше ощущениями, чем мыслями, что они несколько приземлены, недостаточно одухотворены и, следовательно, обделены. Молодой прозаик должен обратить серьёзное внимание на эту сторону творчества.

Впрочем, это даже не «сторона», а его суть, потому что речь идёт о требовании высокой идейности, которое надо предъявлять всем молодым писателям, а особенно тем, кто увлекается работой только над художественной формой произведений, над языком и композицией.

О необходимости повысить идейность нашей молодой прозы много сказано было в творческих секциях. О том, что литература наша должна быть пронизана большевистской партийностью, единодушно говорили как писатели старшего поколения, так и молодые.



Руководитель прозаической секции писатель Ю. Лебединский и критик Н. Замощин беседуют с молодым сценаристом Даниловым.

лась. Бескомырка упала с головы моряка и, как колесо, покатилась под лавку. За окном плавно проплыл стационный фонарь, на мгновение стало светло, словно через все купе перевернулась большая яркая страница, потом сразу потемнело и всё быстрее и быстрее, стараясь поспеть друг другу в такт и не попадая, затараторили ковшеи. ... Начинало светать. Поезд нёс покатишься. За окном поднимались и опускались телеграфные провода» (рассказ «Лиды»).

Когда С. Антонов прочитал свои новые рассказы «У шлагбаума» и «В окружении», всем слушателям стало ясно, что перед ними весьма одарённый человек. Выпеленные автором образы девушек на войне врезаются в память,

С этой точки зрения была подвергнута резкой критике некоторые произведения, представленные на обсуждение. Одни из участников совещания напастли повесть о советском студенчестве, в которой дал искривлённый образ молодого человека. Повесть насыщена песенническими настроениями и даёт неверную картину жизни нашего вуза. Другой молодой литератор пишет о советском деревне, но видит в ней только корыстных людей, одержимых собственническими интересами. Таких вещей в секция было представлено мало, но и они свидетельствуют о том, что каждому молодому писателю нужно серьёзно задумываться над идейным содержанием своих произведений.

К числу важных вопросов, которые весьма



эжизни дебатировались на заседаниях секций прозы, относятся, конечно, и вопросы мастерства писателя. Участники совещания с пристальным вниманием прислушивались к советам опытных литераторов. Главная беда многих начинающих писателей заключается в недостаточно развитом зрении художника, в неумении взглянуть на окружающую действительность своим глазом и изобразить увиденное своими красками.

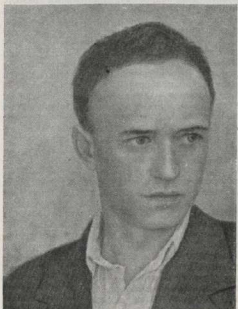
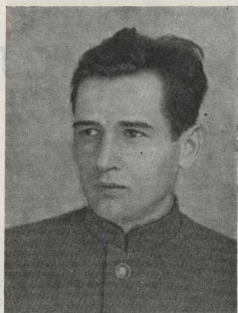
К сожалению, многие молодые писатели уже успокоились на весьма скромных достижениях своей музы, не работают, не ищут, не испытывают творческой неудовлетворенности. Кто-то из начинающих, овладев известными штампами, пребывает в индивидуальном состоянии полной самолюбивости. Дружески, но сурово практика на секциях, надо думать, подействовала на таких товарищей отрезвляюще.

На секция прозы, которой руководили К. Па-

лым литераторам и, таким образом, питают их необоснованные иллюзии.

В беседах об искусстве писателя выступавшие касались вопросов о знаниях, об образовании, которые играют огромную роль в судьбе литератора. Несомненно, что общий уровень знаний и культуры многих молодых писателей недостаточен высок. Иные это сами чувствуют и открывают в этом признаться. Поэтому предложение о том, чтобы зачислять молодых писателей, живущих на местах, на заочное отделение Литературного института, было одобрено.

Подводить итоги такого своеобразного совещания сейчас еще рано. Творческие результаты скажутся, разумеется, позднее. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что инициатива Центрального комитета ВЛКСМ увенчалась полным успехом. Молодые писатели встретились с серьезным дружеским разговором с мастерами старшего поколения. Литературная об-



Писатель Н. Тихонов и молодые литераторы С. Воронин, Л. Хаустов и С. Антонов.

устовский и я, обсуждалась книжка о поэзии, изданная в одном из крупных городов нашей страны. Это были напечатанные записки, в которых большие события выглядели весьма обыденными, а люди напоминали геометрические фигуры; язык этой книги был крайне невыразителен, беден по словарю, нерылся.

Любопытно, однако, что автор пребывал в полном убеждении, что привезенная им книга составляет открытие. Весьма товарищеский, но очень строгий разговор на секции как будто оторвал автору глаза на свою работу и, будем надеяться, заставит его в дальнейшем по-иному относиться к писательскому труду. Печально то, что некоторые редакция и издательства не проявляют должной требовательности к моло-

достью столицы узнала ряд неизвестных доселе имен талантливых молодых прозаиков (кроме уже упомянутых можно назвать Б. Порфирьева, Ю. Капусто, А. Ференса, Г. Свиридова, Ю. Сотника, В. Резунова, В. Гендрякова, Л. Кривенко), С. Я. Маршак, подводя итоги работы секции детской литературы, отметил, что лучшую прозу для детей в этой секции дали студенты Литинститута С. Перфильев, И. Дик и А. Белянин.

Будущее покажет, какие еще странные прозы напишут молодые товарищи. Ясно, однако, что та идейная и творческая зарядка, по выражению одного из ораторов, которую молодые литераторы получали на совещаниях, даст положительный эффект.



Участники совещания молодых писателей. Сверху вниз: Александр Гончар (Киев), Анатолий Ференс (Москва) и Николай Мейсак (Новосибирск). Слева: Михаил Дудин (Ленинград) и Сильва Капусткина (Ереван).

10

# ПУТИ ДВОИХ

Фото Г. Борисова

## К ЛЮБИМОМУ ТРУДУ

С аужа Николая Кадемина широко распространился в цехе. С первых дней времения на фронте, с лета сорок второго года, он аккурратно присылал весточки матери, брату, друзьям. В цехе Кадемин рассказывал о жарких битвах в небе Северного Кавказа и Крыма, живо интересовался, как работают те из друзей его юности, кто остался на Горьковской автофабрике, а также имени Молодцова изготовить оружие для фронта... И вдруг он перестал писать.

Надежды близких рухнули, когда престарелая мать Кадемина получила скорбное известие из военкомата, а вслед за тем пришла весточка от летчиков бомбардировочного полка, в котором служил Николай.

Майской ночью он ушел в шестидесят девятый боевой полет. С бомбардировщика, падающего в море с Катениным, видел, как перед носом его машины разорвались почти одновре-

мостительному творчеству, настоящего в труде. Только таких и признавал Каминев.

Уже через два месяца после выпуска из школы ФЭУ Николая допустили к самостоятельной работе, и тут началось его непереставный рост. Легко, с улыбкой, брался он за работу, которой какой раз была не податливая и обгабляющему сыном ледянку; из его рук выходили детали сложнейших профилей, и среди лучших стахановцев цеха мерительных инструментов вряд ли можно было сыскать еще людей, равных ему в искусстве и точности работы. Умел Николай и повеселиться; между делом «попутно», закончил и заводской аэроклуб.

Всё это вспоминалось Павлу Александровичу, когда он узнал о героической гибели Николая Кадемина.

Долго, а этот, и из другой, и в последующие дни говорили в цехе об ушедшем товарище. Каждый раз, когда поступала особенно сложный заказ и дежурный рассматривал замысловатый чертёж, вспоминали Кадемина: «Вот



Герой Советского Союза слесарь Владимир Душин.

мешко два снаряда, и в тот же миг кадеминский самолёт с подожжёнными бомбами вспыхнул и горящими обломками устремился к земле. В полку выпустили стеновую газету в траурной рамке: «Он отдал жизнь за Родину.»

Как бы ни казалась достоверной гибель близкого человека, друга, всё же остаётся смутная надежда: «А быть может?» Павла Александровича Каминева, начальника инструментально-штампового отдела, нельзя назвать в прямом смысле слова другом Кадемина: Николай ещё не было на свете, когда Павел Александрович обрёл известность изобретением слесарно-инструментальной напильниковой заготовки «Красное Сормово». Шестидесятилетний вихрастый Николаша стал близок сердцу руководителя инструментальщиков Горьковского автозавода с первой вострой. В подожжённом паренье, скрывающем мысль налету, с понимающим взглядом и умной улыбкой на красивом лице, Павел Александрович безбоязненно угадывал будущего мастера-лекальника, чистого и требовательного к себе, способного к са-

уж он-то осилил бы... Сиротливо ютился в углу оптически-информальный копировальный станок; лишь Евгений Горбунов, один из учителей Кадемина, мог на нём безбоязненно работать, да и тот говорил, что ученик кое в чём его превосходил.

Мать не переставала оплакивать сына. Как-то вечером соседка подала ей письмо со штампом полевой почты. Адрес был написан незнакомой рукой. Старик умереть возмечте, мать вскрыла конверт и развернула сложенный вечерний лист. Из него выпала фотопластинка тёмноокологического улыбающегося зейтенита в военном офицерском пиджаке с разноцветной полойкой боевых наград... Его она узнала бы среди тысяч! «Ох, что же это? Коленька мой, сыночек любимый!.. Как же?..» — шептала её побелевшие губы. Она приблизилась к глазам: «Дорогая, укажи мне мамаша! Сестру сообщит вам, что я остаюсь в живых, хотя меня вполне основательно считали убитым.» Дальше читать она не смогла, слёзы полились по морщинастым щекам, застывая вьсь мир...

Павла мать, Николай умчался, что лишился левой ноги, что правая рука перебила в трёх местах и что из его тела вынули сорок два осколка. Он не распространился об испытаниях, выпавших на его долю, о скитаниях и борьбе за жизнь до того дня, пока не сдвинулся со снами; всё это скрывалось за общей фразой: «Иной раз самому не верится...»

Момент ярмарки и ощущение первых минут выпали из его сознания. Он помнил лишь, как открыл боевые дыры... Два разрыва впереди. Запах порохового дыма. «Отвернуть!» — приказал армеец из его роты, и в это мгновение чёрные, багровые полосу заволокли сознание. Бессознательный инстинкт и привычная тренировка заставили выдернуть кольцо парашюта, это был его двадцать шестой прыжок...

Опустился на землю, в густом кустарнике. Попробовал подняться и упал. Вокруг — мрак. «Я ослеп», — равнодушно сказал он себе, сомкнул веки и прислушался. Где-то гремела артиллерия. «Там — линия фронта, повоюю...» — решил он и, обратив лицо в ту сторону, где были пушки, снова открыл глаза. Высоко в небе вспыхивали огненные шары. «Вжух!» — мысленно заметил Кадемин всё так же безучастно. Он попытался ухватиться за рукоятку, но она была пустой, он услышал славянскую речь. Это были чехословаки; из их слов лётчик понял, что ему помогут. В сарае, орудием портновских ножниц, один из чехословаков ампутировал лётчи-

Мастер инструментального цеха Николай Кадемин.

## «С КИНОАППАРАТОМ В ТЫЛУ ВРАГА»

На фронте Отечественной войны побойло двадцать советских кинооператоров. Светлой памяти товарищей по киноискусству посвящена книга лауреата Сталинской премии Михаила Глидера.

Михаила Глидера мы знаем по его картине «Народные мстители».

«Глидер снял тысячи метров пленки и сделал сотни фотоснимков, сражаясь и принимая участие во всех делах наших соединений. Эти кадры и фото — наша, так сказать, немая история. Книга же — история, рассказанная нашим любимым товарищем, непосредственным участником и внимательным наблюдателем нашей жизни», так пишут в предисловии к книге прославленные руководители партизанских соединений С. Коник и А. Федоров.

В книге Глидера есть интересно. Его воспоминания, написанные частью в повествовательной форме, частью в форме дневника, читаются от начала до конца с интересом и волеванием. Партизанская война, которую самоотверженно мы знали ранее на захваченной фашистами территории, — ещё совсем недавнее прошлое. Правдиво и ярко рассказанное, оно галдит на нас с каждой страницей. И личная судьба автора, может быть, не казалась столь захватывающей, если бы её фоном не стала суровая, но полная романтики партизанская борьба. С большой любовью нарисовал Глидер галерею портретов радостных партизан и их руководителей.

Глидер попал в тыл врага как кинооператор с заданием заснять как можно больше документальных кадров для фильма о партизанах. Вооружённый двойным оружием — партизана и оператора, — он бывал повсюду, где бывали партизаны, и делал всё, что делали они. Немало можно было оставаться наблюдателем и только фиксировать драматические эпизоды, не будучи их непосредственным участником. Оператор стал партизаном.

Вторая часть книги, в которой автор описывает борьбу партизана в Чехословакии, для советского читателя особенно интересна. Читается, что в ней, как и в первой части, ничто не приукрашено. Многие честные чехи, стремившиеся оказать сопротивление врагу, не знали, с чего и как начать, колебались, делали ошибки. Им нужно было уметь и вовремя помочь. Это помогло оказать советские люди, уже имеющие богатый опыт партизанской войны с немцами.

В Чехословакию Глидер отправился для того, чтобы собрать кадры для кинофильма. Но и здесь обязанности выдвинули на первый план более важные: помощь, оказание помощи организациям партизанского отряда. Он зрял в землю киноаппарат и стал сначала партизаном, а затем коммисаром отряда. Страницы книги, посвященные его пребыванию в Чехословакии, насыщены драматическими эпизодами.

Книга «С киноаппаратом в тылу врага» интересна и поучительна для нашей молодежи.

И. РЕЗНИКОВА

Михаил Глидер «С киноаппаратом в тылу врага». Госкиноиздат. 1946 год.

ку голени, державшуюся лишь на кожных покровах...

Все это спустя много времени узнали родные и друзья Николая из писем, которые он диктовал сестре по госпитальной почте. Принимая к труду и оставаясь в стороне, раздала свой анкавский полк. Нетрудно представить, как встретили Кадемина фронтовые товарищи...

«Кадемина возвращаются» — обещала быть инструментальной пест диктатора. Опираясь на тросточку и немного слова погу, Кадемин проступил порог кабинета Павла Александровича. Камешки бросили ему на встречу, крепко обняв, усадив в кресло, и часовой немалостью отдавшись в мужественное молодое лицо.

— Что же, из отца тытери, Николай? — сказал Камеш.

— Отцака достаточно, и в госпитале и у себя в комму. — улыбнулся Кадемин. — Пора и за работу!

— Дело для тебя поданут Говоры, в заводорачивании будешь работать?

— Предлагали, я отказался. Хочу обратно, Павел Александрович, на производство, в вам в цех.

— Да как же повозврат... здоровье твоё? — запнулся Камеш.

— А это? — звенячо взмахнул здоровой рукой Кадемин Евгеньевич. — Я и правую ногу немалого поведу. А того, чему меня здесь обучил, не забыл.

И столько искреннего, горячего желания вернуться к любимому труду выразилось в отрахе его лица, в жесте, что Павел Александрович не решился пренебрегать.

Так Николай Кадемин возвратился в цех мерительных инструментов старшим мастером отделения сборных каллибров и шаблонов. Его точность выработанных изделий исчислялась тысячами долями миллиметра. Его окружали давшие друзья, учителя и ученики. Он руководил отделением, но когда приходил заглянуть на изготовление детали с помощью профилей, старший мастер, рискуя по самостоятельному творческому труду, лично принимал участие за обработку.

Вот он всматривается в оклад штамповально-контрольного станка, проверяя точность изделия. «Есть контакт!» — с улыбкой говорит он по давней привычке аэроуполного пилота о точности преколовших стальных деталей, почти исключительно левой рукой, он за несколько часов может изготовить шаблон, на который в молодые годы Павла Александровича требовалось затратить две недели напряженного ручного труда. Сам Николай Кадемин обучает двух юнчиков и, как в своё время Евгений Говоров, замечает, что скоро может быть предыдущий более молодым. И это радует его, как всякого учителя, любящего своё дело...

### РУССКАЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ

В первые дни знакомства с Горьковским заводом Владимир Душнин чувствовал себя несколько растерянным. Ничего подобного ему не приходилось ещё видеть. Если бы он попал сюда прямо из родной деревни, из глухой индустриальной джунгли, то, глядя на густой индустриальный лес, эту растерянность нетрудно было бы объяснить. Однако Душнин, служивший в инженерных войсках, по армийной привычке был наблюдателем, прошедшим по Германии до самого Берлина и дальше на запад. И тем не менее теперь здесь, на ГАЗ, он увидел производственные корпуса больше, чем самый крупный заграничный завод. Он не мог дождаться побывать. На одной лишь половине такого же могла бы, пожалуй, разместиться вся его костромская деревня Душнина.

Как заводорожский студент Душнин у края главного конвейера, где один за другим по отагоному потоку съезжали новые автомашины. Тут он узнал, что это далеко не предел, что в 1950 году завод будет выпускать каждую пятнадцать секунд грузовик, каждые шесть с половиной минут — легковую автомашину «Победа». ГАЗ станет самым мощным автомобильным предприятием в Европе. Вот из какого завода, в каком коллективе, предстоит ему работать!

Размышляя о новой для него профессии слесаря, Душнин испытывал смущение, досаду, что на сознание неуверенности в своих силах, Каза-

лось бы, ему ли, боевому солдату, теряться в работе? И всё же Владимир Душнин по пути в ремонтно-механический цех, куда его привлек учеником слесаря, чувствовал себя так, словно собирался окунуться в студийную воду... После Душнина, несомненно, была бы и другая сторона товарища по цеху: он видел среди них немало людей фомоло же, недавних воспитанников школ ФЗО, и втайне заискивал их бесконечному количеству. А насколько замечательность слесаря и не подозревали, что у него на груди под рабочей курткой блестит Золотая звезда Героя Советского Союза...

Вот, конечно, повозврат — история, что старший мастер и, удвоив оптимизмом глазом смущенные голоса, приобриобри:

— Вот, улавлишь, Владимир Васильевич! — междя через два-три станка, работая самостоятельно. И у меня, помнится, в первые дни не всё ладилось, а потом поплыло...

— Мы тебе объясним! Покажем, что к чему... — поддерживал слесаря.

— А вот и ваш бригадир, товарищ Ибрагимов... — сказал старший мастер.

Душнин удивленно глядел на бригадира, что втерхнулся, но готов был спорить, что втерхнулся, что черноволосого, смуглого, чеховского тонкими чертами смуглого лица. Но где-то, ну, конечно, он видел его портрет в галерее лучших производственников, знатных станков. Душнин к этому стал относиться, что такой человек будет его непосредственным учителем. Он чувствовал, что в этой дружеской атмосфере его сомнения улетучиваются, а решимость овладеть специализацией становится твердой. Он проводил его к станку, и ученье началось...

Любознательность и настойчивость! Этих качеств Душнину не забывать. Как, бывало, калекло его от ку орудия, так теперь, трескаясь, работая разнообразными станками, ему не знавшие ранее простейших слесарных инструментов, пришлось позаниматься с центрами обработки. Печальным ему жалко выпитыми основными техническими знаниями; он перенимал приемы работы Ибрагимову, руки его приобретали навыки профессионального слесаря.

Но этим не ограничивались стремления Душнина. Образование — вот о чём он не переставал тосковать. Обнаружив свои желания Душнину помог секретарь цехового партбюро, что в три приема, по вечерам, он перенимал основы коммунистический новый слесарь, поделился:

— Не могу я примириться, что по культурному уровню отстаю от других... Любю юность моего образования, больше зинет...

В тот же вечер секретарь партбюро побывал у педагогов средней школы. Двое учителей вызвались обучать Душнина; составили учебную программу и начали заниматься с ним на дому.

И истерия Владимира Васильевича почти через год после его приезда на Горьковский завод. Он склонился над токарным полуавтоматом «буллдог», на широком приводе, и Душнин увидел, что Душнин выступил калекья юного; зная шаблонкой и доводкой детали, он не замечал окружающего. Тем временем Ибрагимов рассказывал:

Заметил: какой бы труд ни поручали Душнину, за всё он берется горячо, с порывом. Немного времени прошло, а он уже может выполнять работу слесаря шестого разряда. Душнин, работая по своему станку, и Душнин готовую юность копировать в нём, чтобы, как он выражается, «дойти до самого нутра»...

— Русская любознательность! — сказал Николай Душнин, секретарь цехового партбюро.

Словно почувствовал, что говорят о нём. Душнин поджала голову и вытер потное лицо. Я спросил его, как нудит занятия с учителями. Душнин ответил, что постепенно, по мере, от слетка напирал на букву «о». — Прохожу курс первого класса.

— Тождо! — сказал, нудя раз в жар борозды — вздохнул Душнин. — А почему? Вообраю не уразумею простой истины, что неученье — тыма. Вот и приходится догонять товарищей. Ну, а коли вылезал за гуж, не говори, что не дожд.

\*\*\*

Так пришел с фронта в цехе двое из трёх тысяч демобилизованных военных, работавших на Горьковском автомобильном заводе имени Молотова.



Москва. Музей изобразительных искусств имени Пушкина.

Фото Г. Борисова

# ПАРТИЗАНСКАЯ ГИМНАЗИЯ

Тихая улица на горе. Здесь не видно машин, мало пешеходов. Сюда трудно зайти, если не пользоваться фуникулером. На правой стороне улицы неуклюже возвышается высокая обшарпанная церковь. Звонит колокол, разливая по городу гулкий багровист. Спят в вечерне-стриженный монахи в длинной сутане. Рядом с церковью — воинская казарма. В паузах между ударами колокола слышатся дружная солдатская песня. На левой стороне улицы возвышается большое двухэтажное здание. Мы направляемся к нему. Над парадным входом читаем:

## PARTIZANSKI DASKI DOM<sup>1</sup>

Это интернат партизанской гимназии. А партизанскими гимназиями в Югославии называются специальные училища, в которых учатся молодёжь, сражавшаяся в рядах Народно-революционной армии.

Длинный коридор. За дверями комнат слышится шум приглушённых голосов. Навстречу нам спешит управительница — Фёкжа Зденка. Она заметит обеспокоенно, много и торопливо извиняется:

— Не ждали... Совсем не ждали... Хотя бы за полчаса предупредили! Мы бы прибрались, приоткрылись...

Она поднимает с пола обрывок газеты и укоризненно качает головой.

<sup>1</sup> Партизанский детский дом.



«Коло» — любимый народный танец в Югославии.

Фёкжа — тоже партизанка. Я вижу это по партизанскому значку на левом борту её пиджака. В гимназии она со дня её формирования. Интернат стал её вторым домом, а его шумливые обитатели — родным семейством.

— Идея создания партизанских интернатов, — рассказывает Фёкжа, — принадлежит Антифашистскому совету молодёжи. Ещё в партизанских отрядах в тяжёлые дни освободительной войны мы организовали дома сирот — детей погибших бойцов. Там мы начинали народное воспита-

ние нашей молодёжи. Особенно широкое распространению эти дома получали во время шестой оккупации<sup>2</sup> немцев.

Воспитатели, прохаживая по коридору, почтительно кланяются управительнице.

— Ты такой грустный, Вуль? — спрашивает она задумчивого юношу, который стоит у окна, сложив руки на подоконник: Фёкжа прикладывает ладонь к его лбу. — У тебя жар, Вуль, — с беспокойством говорит она и, подождав воспитательницу, просит её немедленно отвести юношу к врачу. — Если температура, положить в изолятор. Уговорам не поддаваться.

По широкой лестнице мы поднимаемся на второй этаж. Сверху, перескакивая через три ступеньки, мчатся двое воспитанников. Увидев управительницу, они делают серьёзными и тихо проходят мимо.

— Рядо, зашнуруй ботинок, — говорит Фёкжа. — А ты, Милан, опять руки чернилами испачкал?

У неё острый глаз, и она, как хорошая хозяйка хорошего дома, всё замечает, на всё обращает внимание.

— Наша гимназия организована в октябре сорок пятого года. Мы назвали её «Титова гимназия». Теперь у нас учатся девятнадцать человек, — рассказывает Фёкжа Зденка. — В интернате живут триста двадцать воспитанников. Это вместе с девушками. А девушек у нас девяносто восемь. Они живут тоже в этом доме, но у них всё отдельно — и общежитие, и классы, и даже вход свой, с переездом.

— И все они принимали участие в борьбе?

— Да, все. Многие были ранены, награждены... А драться учились у ваших партизан.

Фёкжа приглашает нас в кабинет, усаживает в пластмассовые кресла, сама садится за стол, открывает книгу. Она рассказывает, что среди воспитанников большинство сербов и хорватов, но есть представители и других национальностей Юго-

<sup>2</sup> Речь идёт о наступлении немцев, которое было зимой 1944 года.

славия. В большинстве своем это подростки. Дети рабочих, крестьян и кулаков. Здесь, как и в зеркале, отражен характер народно-освободительного движения в Югославии.

— Институт обеспечивает воспитанников всем — и питанием, и обувью, и постельным бельем, и учебными принадлежностями. Конечно, государство это немогло. На помощь приходят трудящиеся. Над нами институт АФЖ и Красный крест АФЖ — над девушками, Красный крест — над юношами.

Мы живем в столовую. Это — большое светлое помещение. Длинными рядами расставлены столы. Нас встречает шеф кухни хорватка Миака Орешет. Ей шестьдесят семь лет. Она член общины Красного креста и работает добровольно, без всякого вознаграждения. Бела, как луна, но еще бодрая и энергичная, она сознается, что была бы счастлива, если бы смогла заменить робота родных матерей, которых много из них потеряла.

От котлов валит густой пар. Женщины в белых халатах и колпаках готовят ужины. В котлах варятся суп и фасоль. Конечно, еще не все лапно: нехватает жиров, мало молочных продуктов, но что же не понимает, в какое время живет новая Югославия?

Фаска продолжает рассказ об интересах, о гимназии. У них семь классов. Программа составлена так, что окончивший гимназию получает среднее образование. Сейчас работают все семь классов, потому что есть ребята, которые учились в старое время. Люди они хоть и молодые, но сознательные: партизанская жизнь многому научила их. Работать приходится немало. Наряду с другими общеобразовательными дисциплинами в гимназии большое внимание обращается на изучение истории народов Югославии.

— Ребята охотно учатся?

— Да. Очень.

— Есть отставники?

— Есть, к сожалению.

— А как дисциплины?

Фаска же сразу отвечает. Некоторое время она смотрит себе под ноги, и на блу не собираются лучи механических морщинок.

— Дисциплина хорошая, — говорит она, — коллектив здоровый, дружный. Да и как может быть иначе? Столько они пережили на своем маленьком веку. Но есть отдельные случаи. Отдельные. Партизан-

ская привычка, знаете, — она снова задумывается, но тогда продолжает: — Вот у нас есть юноша Лазо Долачи. Да какой там юноша! Мальчик, ему еще шестнадцать лет. А он уже заступник<sup>1</sup>, имеет пистолет и ордена два раза ранен. На этот раз Лазо отказался отвечать по истории.

За дверями комнаты шум, смех, звонкие голоса. Фаска смотрит на часы, останавливаясь.

— Коллективная подготовка уроков окончилась. Хотите поговорить с ребятами?

Она первая входит в класс, объясняет, кто им и откуда. Ребята шумно и просто обступают нас, называют себя. Я замечу в глаза каждому. Кажется, они все-гда были школьниками, а не храбрыми партизанами, от которых бегают хвостыми тигророссы и троцкисты. Открывается дверь и в комнату вваливается целая вата. Каждый хочет познакомиться, позвать руку, назвать себя. Радо, Вадо, Бранко, Мия, Петко, Вико, Стане, Вуко-и Маргур.

— Лазо Долачи...

Он выглядит не старше своих шестнадцати лет: маленький рост, узкое, еще не развитое тельце, но в глубине больших синевато-черных глаз затаилась серьезность взрослого человека, прошедшего большую жизнь. Одет Лазо в офицерский костюм со знаками вставника, обут в аккуртские, начищенные до блеска сапоги. На груди у юного офицера боевой орден «За храбрость» и медали. Он держится с достоинством, но детская простотушная улыбка нечетко да и озвирят его смуглое ширококостное лицо.

Мы садимся за длинный стол, за которым ребята только что готовили уроки.

— Ну, дружок Лазо, — обращается к юноше Фаска, — расскажи о своей партизанской жизни.

Лазо поднимает на свою руководительницу синевато-черные глаза и смущенно, по-детски улыбается.

— Что же рассказывать-то, другарица? — спрашивает он.

На минуту он задумывается, потом поднимает голову и смотрит на меня прищуренно, серьезно. Твердым, спокойным голосом он начинает свой рассказ, и я сразу же забываю, что передо мной шестнадцатилетний подросток.

В тысячу децятсот сорок первым голу отек, дик, и бр... партизана. Он просился вместе с ними...

— Мал еще, сиди дома, без тебя управимся, — сказала мать, больше ничего не хотела слышать.

Но Лазо считал, что без него не обойдется. Он не мог сидеть дома и караулить маленьких сестру и брата. Ему было стыдно. Впервые за много лет, когда он бежал из дома и размыкал партизанскую бригаду, в которой находились отец, сестра и братья.

Потом, несколько дней спустя, он шел с партизанами через родную деревню Неблоси. Мать, увидев его, заплакала, но скоро вытерла глаза.

— Что ж, или ты, Лазо, — сказала она, — проведешь всю жизнь с партизанами, будешь храбрым, сын мой.

Выскале он был связанным штабе батальона. Не раз приходилось ему под пулями и на газу противники, работавшие к подразделением с приказом или донесением. Храбрость его была оценена командованием: в сорок четвертом голу он был назначен командиром взвода. Во взводе было двадцать два бойца, и старшему из них было тридцать лет. Это был удальный, как его называли — взвод, и бойцы этого взвода никогда не боялись смерти. Недавно он вступил в состав шестой пролетарской дивизии, которая, как известно, показала в боях чудеса храбрости.

Однажды, это было 25 мая 1944 года в Београде, Крайне, несомненно, тяжёлым ударом их встретили известные немецкие парашютисты окружили Тито в районе города Дрвар. Там, в густой чаще, нехотели, чтобы разный штаб народно-освободительного движения и президент Антифашистского Вече народного освобождения Югославии. Шестая пролетарская дивизия стояла в тылу, в нескольких километрах от Дрвара. Они бежали, не чувствуя тяжести оружия, и с ходу вступили в жаркий бой с десантом немцев. Юный полковник Крайне, несомненно, в панике, в то же время они волевали в землю много немцев. Но маршала Тито со всем своим штабом вышел из окружения ещё до того, как полосуем их дивизию. Об этом Лазо узнал, уже когда в госпитале.

— Что ещё? — спрашивает Лазо упрямительно интересна, и детским, смущенной улыбкой снова озвирят его лицо.

— Как учиться, дружок Лазо? — спрашиваю мы.

— Но знаю, — опускает глаза Лазо. — По истории средних веков единицу получил.

— Как же это?

Лазо молчит. Молчат ребята. По лицам их заметно, что они горько переживают неудачу товарища.

— Учительница Елена, — произносит Лазо, не поднимая головы, — спросила про короля Хорватии Звонимира, а я сказал, что ничего про него не знаю и знать не хочу.

— Милые, хорошие ребята! Они прожовали нас на тихую ушину, просят передать пламенный патристический привет советским школьникам.

Лазо задержал мою руку.

— Хочу в военную школу после гимназии, — говорит он, дожимая.

— Что же, это хорошо, — отвечаю я. — Только для этого требуется знать историю.

Он полудостоинственно посмотрел на меня: правда ли это?

— И историю надо знать?

— Хорошо, обязательно хорошо.

С минуту он думает. Потом вымывает стриженой головой и, всады ударив Лазо о мою ладонь, произносит:

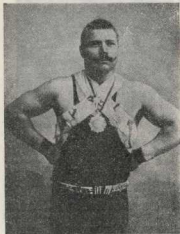
— Добре, чорт с ними, с королями, буду изучать и королей!

Шумом футуризма, спуска нас вниз, в центр Загреб, и много казалось, что я ещё слышу голоса молодых партизан из «Титовой гимназии».



<sup>1</sup> Антифашистский фронт женщин.  
 1. Младший офицерский чин.

## ВОЛЖСКИЙ БОГАТЫРЬ



Иван Заикин.

1900—1915 годы были периодом наибольшего расцвета профессиональной борьбы в России. В её цирках выступали все сильнейшие борцы Европы. Но ведущую роль играла плеяда русских атлетов — людей исключительных физических данных и больших мастеров своего дела. Они затмили

и недавнюю славу гремевших в Европе, турецких борцов, и чемпионов Франции, и представителей остальных стран. А гостями русским — Ивана Поддубного, Ивана Зайкина, Ивана Шаванова, Ивана Романова, Ивана Чудистова и других — заграничные производили там всегда сенсацию.

Среди борцов того времени выделялась фигура правителя собой Ивана Зайкина. Природа щедро наградила его в физическом отношении. С 15 лет он начал работать грузчиком на Волге. Капитаны пароходов шли на всё, чтоб на погрузке или выгрузке у них работала артель Зайкина: это обеспечивало ценный для парохода выигрыш времени. Сам Ванюшко работал за тронх по скорости, за двоих — по силе. В семнадцать лет это был изумительный по телосложению, красоте всех атлетических форм, гигант. Им нельзя было не любоваться. И пассажиры пароходов наперерыв приглашали юного, всегда медолюбивого опрятного грузчика, чтоб «выпить за русскую силу».

Скоро поволжские города заговорили о нём как о феноменальном борце. Случайность случилась в цирке с профессионалом, Зайкин нашёл своё призвание в борьбе.

Первые же годы выступлений на арене принесли ему головокружительный успех. Борьба захватила Зайкина своим здоровым азартом. Для него она не была просто профессией, дающей большие деньги. В ней он искал соревнования.

Зайкина хотели выпустить в цирках под именем «Иван Волжский». «Я хочу быть самим собой», — твёрдо заявил он.

В своё время много шума наделал, как говорили, «сумасшедший номер» Зайкина. Он приехал бороться в Тамбов. Там в числе прочих выступил Иван Поддубный, находившийся в зените силы и славы. Зайкин заявил Поддубному, что будет бороться с ним «серьёзную». Поддубный внимательно оглядел смельчача и ничего не ответил.

Через несколько дней противники сошлись «на мёртвую». Это была жестокая схватка. Зайкина унесли с арены. Поддубный потом каждый день навещал «Зайку», как он прозвал своего противника, а тот признавал превосходство «яди» так, как и звали им все борцы стали именовать Поддубного.

Зайкин не уступился. Он начал выступать в силовых упражнениях:

работал с гириями, поднимал тяжёлые тулы, стальные балки, завязал в узлы квадратные плиты железа... В этой роли Зайкина он не имел конкурентов. С лёгкой руки заграничных атлетов большинство цирковых силовых номеров представлялось с фальшивым гэжестиком; фокус, обман играл решающую роль. Зайкин работал с действительно железом, его рекавизит всегда лежал открыто, чтобы желающие могли убедиться, с чем он выступает.

Всё это делало Ивана Зайкина одним из популярнейших русских профессиональных борцов. Он не успевал подписывать выгодные ангажементы и вдруг... исчез с цирковой арены.

Неутомимая натура толкнула его на другой путь. Он оказался во Франции, в авиационной школе Фармана. Карьера авиатора была недолгой, но наполнена интересным содержанием. Без всякого сомнения, с прозвищем «чудак» Зайкин вновь вернулся на борцовский ковёр...

В 1945 году, в дни празднования 50-летия существования борьбы в России, Иван Зайкин присутствовал на торжестве в качестве почётного гостя.

Иван ЗАЙКИН

## СЛОВАРЬ БОРЦА

МОЛОДЫМ СОВЕТСКИМ СПОРТСМЕНАМ

Солнечным слежу я за успехами факультетского и спортсменов нашей страны. Каждый новый рекорд, каждая новая победа советских спортсменов у себя дома и заграничные поставляют мне величайшую радость. Хотелось бы стать молодым и заново начать свою спортивную жизнь...

Прошло 50 лет с того дня, когда я впервые, семнадцатилетним парнем, вышел на арену цирка и боролся на обе лопатки профессионального борца. Теперь за моими плечами большая спортивная карьера тяжёлодета, борца и авиатора, в которой было много побед, но и немало тяжёлых минут.

На заре авиации, когда совершали свои первые полёты знаменитые русские летчики Ефимов и Уточкин, я горячо увлекался авиацией. Я поступил в школу Фармана в Париже, но для того чтобы учиться летать, мне пришлось прежде всего купить аэроплан. Друзьяе газетчики, нахваставшись мной, писали в бульварной прессе: «Лучше бы Зайкин не летал, а занимался спортом. Ведь всё равно, что он зарыбачивает на ковре, то плещет в воздухе».

Помню, в одном из украинских городов мне запретили полёты ввиду того, что... лошади боятся. Теперь это кажется смешным и смешно, но тогда было горько и досадно.

Однажды, когда взорвался, сбившийся вихрем вихрем ветра, упал и я окровавленный с трудом выбрался из-под обломков, до меня долетел оглушительный вопль одной дамы: «Ну, вот, кричали: «Рыбачка!», — он жив!».

Вместо скорой помощи являлась полиция и арестовала мою кассу, чтобы обеспечить оплату шпиритом, который я арестовал для продажи на улице.

На другой день в газетках написали: «Зайкин полетел свой самолёт на обе лопатки».

Не лучше было и в спортивной жизни. В погоне за популярностью и заработком борцы и тяжелоатлеты старались заинтересовать публику исключительными номерами.

Одни из известных в то время тяжелоатлетов выжимал перед зрителями громадную штангу, и параз который слезло два чельека. Конечно, штанга была не настоящая, а деревянная, шпирь — плетёная из прутьев, выкрашенных под чугун, а в них сидела маленькая мальчишка с привязанными боками и в картузях. Расклевывая перед публикой, они показывали только голову.

«Исключительный номер» выполнялся большим успехом и доставлял атлету некоторый заработок. Но однажды штанга сломалась, и обломки дерева, ударив

ые корзинки, борютаые мальчишки поскользнулись на арену...

На мистике арены мира и я показывал исключительные номера. Носил на плечах 25-пудовый гири, тул железные балки и даже ломал... телефоны... стоял. Привыкая к обмену публики иногда не верила в наши «чудеса». Железо проверяли специалисты, инженеры, иногда зрители привозили балки с собой. Я тул и в неподходящую славу «король железа» и непродолжительную охоту на синие.

Часто мне приходилось выступать с опасным номером, когда через мои доски прожигали автомобили, запущенные доками. Один раз я пропустил пять машин; четыре проехали хорошо, но последняя зашла мне в спину. Несколько месяцев я лежал в больнице и только благодаря крепкому здоровью остался жив.

Сейчас молодые советские спортсмены соревнуются между собой за лучшие спортивные результаты и радуются успехам своих товарищей и побед. Мы не знали этого здорового духа соревнования, не знали его и теперь заграничные. Противники в борьбе и в других видах спорта нередко смертельно враждовали между собой.

Русские борцы всегда славились силой и ловкостью. Знаменитый борц Иван Поддубный пер-

вый проубил для нас оков в Европу и завоевал мировое первенство на чемпионате в Париже.

В расцвете своих сил и здоровья я также не знал поражений. Чемпионы Англии, Америки, Германии, Франции, Италии и других стран не могли мне противостоять, и вот, чтобы сравнить силу соперника, мне ослепили, смазав случайную рынку над глазом каки-то отравляющим веществом вместо ума. Около двух лет я лечился и не мог работать.

В такой обстановке орды, застыли, а нередко и прямой опасности, являлись только на себя, пробивали мы, представители старшего поколения, свою дорогу, чтобы возмещать силу русского человека и славу нашей родины.

Сейчас я уже несколько лет не занимаюсь спортом. Государство заботится обо мне. Я получаю пенсию, пенсия и пенсию и пенсию в Киншаса, а дома, показывая закреплённую за мной.

О своей богатой событиями жизни я рассказываю в книге, над которой теперь работаю. Пусть знает наша счастливая молодёжь, окружённая заботой великого Сталина, не только настоящее, но и прошлое.

Теперь нашей молодёжке открыты все пути к вершинам мирового, жинераловского спорта. Пусть же все мировые рекорды в спорте и авиации будут за нами!

● Исследования атмосферы имеют огромное не только научное, но и практическое значение. Для этих исследований широко применяются шары-зонды, снабженные радиопередатчиками. Но высота подъема этих шаров не удовлетворяет ученых. В Лаборатории атмосферной оптики Института теоретической геофизики усовершенствован способ зондирования атмосферы при помощи проектора. По изменению, происходящим в свете, poslanном с земли, и удалившемся особенно чувствительными приборами, ученые быстро получают сведения, которые нельзя добыть никаким другим путем. Сюда, например, относятся характеристики последовательного развития отдельных волновых калей в атмосфере и т. д.

В 1914 году высота зондирования атмосферы при помощи проектора была только 2 километра. Вскоре потопок проекторного «луча-исследования» удалось поднять до 13—14 километров. В США

зондирование проектором производилось сначала до 38, а потом и до 34 километров — значительно выше, чем могут подниматься шары-зонды.

Однако в 1945 году Лаборатория атмосферной оптики Института теоретической геофизики уже исследовала атмосферу проекторным лучом на высоте 50 километров. Благодаря этому можно вести систематические наблюдения за состоянием таких высочайших слоев, которые до сих пор совершенно не были доступны для прямых методов исследования.

50 километров не является пределом для проекторного зондирования атмосферы. Работники Лаборатории атмосферной оптики надеются достичь высоты подобно зондированию до 70—80 километров.

● Борьба с гниением древесины — это спасение колоссального количества сооружений, самого различного типа и назначения —

начиная с телеграфной стобды и кончая домами, судами, мостами. Главный враг древесины — грибки, вызывающие более или менее быстрое гниение. Во многих случаях единственным средством борьбы с размножившимися грибами считалось полное уничтожение пораженных деталей, что нередко означало разрушение всего сооружения.

Лаборатория Московского Академии наук СССР недавно испытала новое средство для уничтожения разрушителей дерева. Это средство предложено инженером Ю. А. Богомоловым и носит название «солзлат ДЛ». «Солзлат ДЛ» с точки зрения уничтожения микроорганизмов вредитель делает настоящее чудо. Сооружения, уже обреченные на слом из-за огромного развития грибов, могут быть спасены после трехкратной обработки «солзлатом ДЛ». Средство, предложенное инженером Богомоловым, действует и как профилактическое и как истребительное.



Дневник пятилетия МТС.  
П. Иельников — Мастерская земли.  
Юр. Яковлев — Весенний приказ по Балтине.  
Борис Шувалов — Ковёр.  
А. Иовико-Прибой — Задор.  
Иосиф Носовский — Колыбель вояды.  
Реваз Маргари — На улице Ленина.  
Рассул Гамзатов — Даа стихотворения.  
М. Карим — Снова море.  
Паруйр Севак — Статуя богини любви.

Совещание молодых писателей.  
Г. Бровман — Творчество прозаиков. Анатолий Гавриленко — Молодые поэты.  
Д. Хвост — Путь двух.  
И. Резникова — С киноаппаратом в тылу врага.  
Филипп Наседкин — Партизанская гимназия.  
Б. Чесноков — Волжский богатырь.  
И. Занкин — Слово старого борца.

На первой странице обложки: «Чайки весной» — фото Вл. Микоса.

На четвертой странице обложки: «Ленинград. У входа в Эрмитаж» — фото Н. Драчского.

На первой странице: «Ближний университет. В лаборатории кафедры анатомии и физиологии растений» — фото Ел. Игнатович.

Оформление номера художника В. Урина.



## КРОССВОРД

Составил И. Челодино

По вертикали:

1. Врач древнего Рима. 2. Имя великого украинского поэта. 3. Известный химик прошлого века. 4. Знаменитый русский художник. 5. Французский композитор. 7. Написан на почтовых отправлениях. 9. Французский живописец. 11. Вождем партизанского движения в Сибири и на Дальнем Востоке. 12. Город в Китае. 15. Автор повести «Карини». 18. Знаменитый архитектор. 20. Река в Европе. 21. Основатель М. Московского университета. 22. Английский автор-трагик. 23. Насекомое. 24. Советский композитор. 25. Специалист в области сельского хозяйства. 28. Завоеватель Сибири. 29. Советский поэт. 36. Порт в Марокко. 37. Техническая культура. 38. Персонаж из фильма «Чайка». 39. Продукт переработки каменного угля. 40. Известный русский писатель и публицист. 46. Органическое соединение. 48. Художник, иллюстратор «Мертвых душ». 49. Бухгалтерский термин. 50. Белье. 53. Изобретатель логарифмов. 54. Название оперы. 55. Река во Франции. 56. Город в СССР.

ОТВЕТЫ

к кроссворду, помещенному в № 5.

По горизонтали:

2. Атри-Фил. 3. Акулидес. 9. Виттор. 12. Лямон. 13. Ока. 14. Ром. 15. Кипл. 17. Вашингтон. 20. Олс. 21. Амудат. 23. Плот. 25. Огс. 27. Пл. 29. Тиньков. 32. Валька. 33. Наваль. 34. Марс. 35. Север. 37. Иран. 38. Брам. 40. «Обрыв». 41. Фуражд. 42. Тяпл.

По вертикали:

1. Космид. 3. Толуш. 4. Игит. 6. Мп. 7. Некрасов. 8. Иван. 9. Бели. 10. Обелеши. 11. Иск. 13. Огрь. 15. Морт. 18. Агг. 19. Огс. 22. Крам. 24. Резин. 26. Крамол. 28. Валька. 29. Тонс. 32. «Аббат». 31. Уграт. 35. Сом. 36. Руб. 39. Суин. 40. Огид. 43. Ари.

По горизонтали:

5. Композитор, глава «Могучей кучки». 8. Деревянный философ. 10. Произведение Гомера. 13. Произведение Гоголя. 14. Восточный титул. 16. Персонаж из пьес Горького «На дне». 17. Немецкий композитор. 19. Известный советский писатель. 22. Город в СССР. 26. Советская писательница. 27. Животное. 28. Женское имя. 30. Краски для лица. 31. Часть здания. 32. Римский император. 33.

- Персонаж из произведения Жюль Верна. 34. Населенный пункт. 35. Принадлежность школьника. 39. Знаменитый русский изобретатель. 41. Немецкий поэт. 42. Маршал Советского Союза. 43. Русский князь. 44. Золотосная река в Сибири. 45. Деревянный государственный деятель и писатель. 47. Древнее название пышени. 48. Голландия. 51. Советский уезд. 52. Верх хрипы. 53. Река в Африке. 55. Растение. 57. Сигнальный прибор. 58. Предметное состояние. 59. Великий русский поэт.

# РАБОТЫ МОЛОДЫХ ГРАФИКОВ

На этой странице мы воспроизводим несколько работ молодых графиков, в прошлом году окончивших Московский художественный институт.

Небольшая выставка офортов, гравюр на дереве, литографий, рисунков и акварелей студентов института — учеников П. Я. Павликова, М. А. Доброго, Г. Т. Гориченко, М. С. Родимова, — устроенная в Центральном доме работников искусства в дни публичной защиты дипломов выпускниками, продемонстрировала многообразие их творческих интересов.

Тут были представлены отличные иллюстрации к избранному рассказу Н. С. Лескова, выполненные Н. Пономаревым, сумевшим по-своему раскрыть образы великого писателя; серия литографий Н. Шеберстова к «Фоме Гордееву» А. М. Горького и агитационные плакаты, созданные художником в дни Отечественной войны; фронтовые зарисовки В. Цигля и полные динамики иллюстрации этого же художника к «Белому клыку» Джека Лондона, выполненные на основе натурального материала Советского Севера. Волжские пейзажи и альбом цветных офортов Никифорова на тему «Степан Разин», тонкие, лирические листы М. Ройтера к «Униженным и оскорбленным» Ф. М. Достоевского, колористически сильные акварели Левенсон, изображающие подмосковные поля, мастерские гравюры на дереве Побединской к исторической хронике В. Шекспира «Генрих IV», построенные на контрастном сопоставлении черного и белого, — вот далеко не полный перечень разнообразного материала дипломантов.

Серьезная работа над классической литературой вскрывала ценные качества молодых художников: их умение по-современному прочесть великих писателей прошлого, правдиво воссоздать историческую эпоху. Для большинства дипломантов характерно также стремление передать образы нашей действительности: это показывает, что основным руководством для них остался неизменная связь искусства с жизнью.



М. Ройтер. Иллюстрация к роману Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные».



Н. Пономарев. Иллюстрация к рассказу Н. С. Лескова «Старый гений».



Н. Шеберстов. Иллюстрация к повести А. М. Горького «Фоме Гордееву».

Цена номера 2 руб.

